

Содержание

Введение.....	2
1. Философско-историческая концепция Новалиса.....	4
2. "Золотой век" в творчестве Новалиса.....	9
3. "Третье царство" в рамках идеи о "золотом веке".....	16
4. Анализ духовных песен с позиции "третьего царства".....	19
Заключение.....	23
Список использованной литературы.....	24

Введение

Самым выдающимся писателем иенской школы был Фридрих фон Гарденберг, принявший литературное имя Новалиса (1772—1801). Его короткий творческий путь отмечен напряженными поисками. В сфере философии для Новалиса характерно движение от субъективного идеализма Фихте к пантеизму, мистически окрашенному, отдельными гранями соприкасающемуся с философией и Якоба Беме и Шеллинга, но также и Спинозы и Хемстерхейса.

Новалис в буржуазной Германии всегда считался воплощением «романтического поэта». «Чистый и возвышенный поэтический юноша» — таков был его образ. Новалис - не просто одна из важнейших фигур романтизма. Без Новалиса о немецком (да и вообще европейском) романтизме просто говорить невозможно. В этом заключается актуальность выбранной темы.

Движение Новалиса к русскому читателю было остановлено сначала Первой мировой войной, а затем революцией и последующими событиями. Нет необходимости говорить подробно о том, что в советский период Новалис не принадлежал к числу наиболее издаваемых зарубежных авторов. Официальное литературоведение толковало его совершенно в духе антологии Гербеля. Зато в послесоветское время начался настоящий ренессанс Новалиса. Были переизданы старые переводы (СПб, 1995), были опубликованы наконец и в России все переводы Вячеслава Иванова ("Лирика Новалиса в переложении Вячеслава Иванова". - Томск, 1997), да к тому же была издана книга новых переводов лирики и поэтической прозы Новалиса в переводе Владимира Микушевича (Новалис. Гимны к ночи. - М., 1996). Таким образом, поэтический перевод Новалиса на русский язык идет уже более ста лет.

Цель работы – проанализировать понятие Третьего царства в духовных песнях Новалиса.

Задачи:

1. Рассмотреть философско-историческую концепцию Новалиса;
2. Проанализировать понятие "Золотого века" в творчестве Новалиса;
3. Охарактеризовать понятие "Третье царство" в рамках идеи о "золотом веке";
4. Провести анализ духовных песен с позиции "третьего царства".

1. Философско-историческая концепция Новалиса

Творческий подъем захватывает и в стихах и в прозе; в обоих текстах преобладает жизнеутверждение, мягкое, но неупорядоченное, как весеннее произрастание. Само имя Новалис великолепно характеризует лирическую атмосферу "могучей весны". По-латыни "novalis" означает пашню, новь. "Это мое старинное родовое имя, - писал поэт, - не совсем неподходящее для меня". Изобилие начинаний и замыслов достойно весеннего сева. Кажется, перед автором брезжит неисчерпаемое будущее. Трудно поверить, что через год, в марте 1801 г., автора не будет в живых, и еще труднее примириться с мыслью, что сам автор в глубине души не питает никаких иллюзий на этот счет, явственно предвидит скорый конец. В свои двадцать восемь лет Фридрих фон Харденберг хорошо знал, что такое смерть. Поэт принадлежал к нижнесаксонской знати. Уже хроники двенадцатого века упоминают господ фон Роде или де Новали (немецкий и латинский варианты фамилии, по значению своему связанной с корчеванием, с расчисткой леса под пашню). Длинный ряд предков должен был наводить ребенка на мысль, что ему предстоит занять свое место среди них - среди покойников. К тому же смерть во многом предопределила семейный уклад Харденбергов еще до рождения Фридриха. Отец поэта, барон Генрих Ульрих Эразм фон Харденберг, рано потерял свою первую жену. Эта утрата произвела глубокий переворот в его суровой и страстной душе. Он искал утешения в идеях гернгутеров, секты, проповедовавшей строгую нравственность. В этом духе барон фон Харденберг пытался воспитывать своих детей от второго брака, которых любил взыскательной, тревожной любовью. Его заботы не принесли семье счастья. Из одиннадцати детей только один сын, младший брат Новалиса, пережил других.

Надо сразу же отметить, что юный Новалис, росший в суровом и тихом доме, никогда не отличался мрачностью или угрюмым нравом. Правда, в детстве маленький Фридрих подолгу воспитывался вне родительского дома,

и влиянию гернгутеровских проповедников противостояло влияние дяди Фридриха, Вильгельма фон Харденберга, человека высокопоставленного и вполне светского. Юношеская лирика Новалиса изобилует легкомысленными, подчас откровенно чувственными мотивами, и есть все основания предполагать, что Новалис пристрастился к такой тематике не понаслышке. В то же время Новалис остро чувствует, что его жизнь и жизнь отца как бы параллельны друг другу, как бы отражаются одна в другой, таинственно взаимодействуя. Это чувство было вскоре углублено роковым подтверждением. В 1797 г. умирает любимая невеста Новалиса, очаровательная юная Софи фон Кюн. Судьба отца, утратившего первую жену, повторяется в жизни сына. "Я потерял самого себя", - говорит он. Новалис решает принести себя в жертву своей любви, последовать за своей возлюбленной. Идея самоубийства всегда была ему чужда. Он стремится сознательным усилием воли постепенно погасить в себе жизнь, однако жизнь берет свое. В декабре 1798 года Фридрих фон Харденберг обручается с Жюли фон Шарпантье; предвкушая семейное счастье, Новалис делает успехи по службе. Он посещает лекции во Фрайбергской горной академии, в нем уже виден недюжинный горный инженер. Певец голубого цветка обнаруживает блестящие деловые способности, сослуживцы восхищены его практичностью, предприимчивостью, проницательностью. "Вы не знаете, какую утрату мы понесли!" - воскликнет начальник Новалиса, потрясенный безвременной кончиной многообещающего специалиста¹.

В пятой главе романа "Генрих фон Офтердинген" в пещере отшельника Генрих листает рукописные книги: "...его любопытство сильно волновали короткие строки стихов, надписи, отдельные отрывки, изящная живопись, как бы слово, явленное кое-где во плоти, подспорье для читательской фантазии". Новалис тонко улавливает поэтический дух средневековой, романско-готической миниатюры, которая никогда не была иллюстрацией в современном понимании. Насыщенная многообразным смыслом,

¹ История зарубежной литературы XIX в. / Под ред. Я.Н. Засурского, С.В. Тураева. – М., 1982.

средневековая миниатюра выступает в рукописи именно как слово, явленное во плоти; подчас это даже не живопись, это, так сказать, словопись, при которой текст иногда играет вспомогательную роль надписи, смысловой иллюстрации. В совершенных произведениях живопись и текст сочетаются как различные проявления творческого Слова. Подобное произведение попадает в романе Генриху. Генрих не понимает языка, на котором написана книга, однако, всматриваясь в рисунки, он вдруг распознает самого себя "среди других обликов": рисунки являют Генриху всю его жизнь, прошлую и будущую; в них как бы сбывается сон, поразивший Генриха в начале романа. Отшельник объясняет юноше, что книга написана на провансальском языке: "Это роман, и описывается в нем чудесная судьба поэта, а также в разных отношениях представлено и прославлено поэтическое искусство". Следовательно, перед Генрихом тот апофеоз поэзии, которым должен был стать сам роман "Генрих фон Офтердинген", как писал Новалис Тику. Внутри самого романа завязываются сложнейшие отношения между вымыслом и жизнью. Оскар Уайльд сказал бы, что и в представлении Новалиса жизнь подражает искусству. Однако поэтическая мысль немецкого романтика глубже и богаче. Генрих не может подражать в своей жизни роману, содержание которого остается для него тайной: провансальский язык, язык поэзии, еще неведом Генриху. Его судьба не повторяет романа, не задана и не предсказана, а разве что предвосхищена многообразием поэтического вымысла, включающего в себя и отдельную человеческую жизнь среди разных своих отношений. Русский романтик Жуковский попытожил эти отношения с достаточной отчетливостью: "Жизнь и Поэзия - одно".

Провансальский роман - тайна для Генриха также и потому, что конец романа отсутствует. Этим обстоятельством предвосхищена судьба самого Новалиса: роман "Генрих фон Офтердинген" тоже не дописан до конца. Еще недавно преобладало мнение, будто фрагментарность органически присуща

творческой манере Новалиса, замыслы которого не рассчитаны на окончательное завершение.

Действительно, Новалиса нельзя себе представить без фрагментов, составляющих в общем и в целом его наследие. Волей-неволей мы привыкли оценивать фрагменты Новалиса как особый жанр, чрезвычайно выразительный, хотя детальное изучение архивов показывает, что Новалис далеко не всегда думал фрагментами вопреки известному утверждению Фридриха Шлегеля: "Его мысли - стихия. Его тезисы - атомы". Теперь выясняется, что большинство фрагментов представляют собой наброски к произведениям, задуманным как вполне законченные. С другой стороны, Новалис предназначал все свои произведения для одной грандиозной книги, для некоей новой научной и художественной Библии в стихах и в прозе, и с этой точки зрения у Новалиса нет законченных произведений.

Новалис является тем живым, что связывает нас с романтизмом. Это первый предтеча перед последним проникновением в тайну Мировой Души, которое и покажет связь между Красотой и Религией. (Может быть, Ибсен в "Когда мы, мертвые, воскреснем" именно ставит упрек в непонимании Души Мира).

В Новалисе намечаются возможности христианского поэта нового времени. Но в нем научились видеть не только носителя романтической идеи, понятой как положительная ценность, но и одного из крупнейших поэтов.

Гёте сказал про Новалиса: "Он не был императором, но он мог бы быть им". Эти слова, так как и вообще многое о Новалисе, были для всех загадкой. Думается, что Гёте подразумевал в своих словах то, что делает истинным Поэтом, именно: совмещение необыкновенного ума (материал для большого мыслителя в фрагментарном виде оставил очень много ценного в этой области) - с детской умильной религиозностью; рядом с этим - романтическая мечтательность, но которая приобретает аллегорический, часто символический характер - или оккультный, то есть аллегория, для уразумения которой необходимо углубиться в оккультные творения.

Очерк его биографии показывает связь его жизни с мирозерцанием.

В умершей невесте Софии он видит один из образов Мировой Души, его любовь к ней слита с любовью к Премудрости Божьей, Софии. После смерти невесты он проводит остальное время жизни в грусти по ней и радости свиданий в то время, когда ему казалось, что она с ним.

Новалис воспринял Фихте и его идеализм, но он пошел дальше, и он является "плохим" фихтеанцем. Он и идеалист, и реалист. Он называет свое мировоззрение магическим идеализмом.

Его идеал - теургический идеал.

Идеалисту кажется только иллюзией отношение между микрокосмом и макрокосмом. Но Новалис знает, что для Бога нет разницы между макрокосмом и микрокосмом и что эта разница не существует также и для просветленного человека. Новалис реалист и знает реально, что Земля - тело Христово, которое Христос, по воскресении, Сам отдал и скрыл в недра земли, в пещере, которую закрыл камнем. Этому камня отодвинуть никто не может, и когда тело Христово освободится, тогда будет Жена, облаченная в Солнце, - будет Христос с Софией.

Новалис - истинный реалист идет *a realibus ad realiora*.

В настоящее время мы видим в прагматизме нечто отвечающее многим современным запросам. Согласно прагматистам мир пластичен. Он сминается под прикосновением человеческого духа, это происходит посредством внутренней работы человеческой монады; но для этого необходима вера. Общее у Новалиса с прагматистами - его чаяние преобразить мир через воздействие человеческого духа и их идея пластичности мира. Но Новалис говорит более точно, более глубоко и вместе с тем более недоступно. Для прагматистов, как и для Новалиса, важен внутренний опыт. Это же понятие внутреннего опыта - общий исходный пункт Новалиса и современных искателей (через религиозное постижение личности человеческого я). Другое общее у Новалиса с ними: отношение к земле и плоти, к Небу и земле. Общий протест против аскетизма в старом

понимании христианства. Хотя правоверный католик (оставшийся официально протестантом), Новалис не удовлетворяется обычным, внешним понятием о христианстве².

2. "Золотой век" в творчестве Новалиса

Старина привлекала Новалиса, который часто взывает к ней на страницах своих поэтических и философских сочинений, так что Новалису даже приписывали идеализацию старины, хотя такое утверждение вряд ли справедливо. Исследования Ганса-Иоахима Мэля убедительно доказывают, что старина и детство в творчестве Новалиса связаны с предвкушением золотого века. "Детям сопутствует золотой век", - писал Новалис. Так истолковывается странный образ ребенка, верного старине. Образ этот восходит к знаменитой четвертой эклоге Вергилия, над переводом которой Новалис работал.

Предполагается, что ни одно стихотворение в мировой поэзии не вызвало такого количества толкований, как эта эклога. Написанная в 40-41 гг. до Рождества Христова, эклога воспевает рождение некоего младенца, при котором на землю возвратится золотой век. Некоторые строки Вергилия перекликаются с ветхозаветной Книгой пророка Исайи, так что христианские интерпретаторы эклоги были уверены в том, что Вергилий предсказал и прославил Рождество Христово. Современные интерпретаторы указывают на предполагаемые иранские и египетские источники эклоги. Сам Вергилий ссылается на прорицания Кумской Сивиллы. Очевидно, Вергилию были хорошо знакомы и "Сивиллины книги" восточного происхождения, в которых могла присутствовать и ветхозаветная традиция. Не вызывает сомнений одно: в четвертой эклоге Вергилия золотой век - это будущее человечества, тождественное мифическому блаженному прошлому. Между тем у Новалиса, напротив, прошлое, старина если не просто отождествляется

² Лирика Новалиса в переложении Вячеслава Иванова. - Томск: Изд-во "Водолей", 1997

с будущим, то приобретает существеннейшие черты утопического грядущего. Иными словами, Вергилий судит о будущем по мифическому прошлому, тогда как Новалис об историческом прошлом судит по утопическому будущему.

Разумеется, подобный сдвиг в духовной жизни нельзя приписать собственно Новалису. Этот сдвиг произошел по меньшей мере за полтора тысячелетия до рождения Новалиса, наряду с другими глубокими потрясениями резко обособив традицию западного христианства, отделив ее от античной традиции. Уже первые христианские интерпретаторы Вергилия допускают смещение исторических акцентов, усматривая в блаженном прошлом земной рай, всего лишь прообраз грядущего царства Божьего. При этом прошлое и будущее в принципе переосмысливаются. Для Вергилия прошлое снова и снова без конца возвращается, совпадая с будущим в круговороте истории, так что в историческом процессе доминирует прошлое. В христианской традиции история приобретает линейную направленность, прошлое неповторимо, оно разве только отчасти предвещает будущее, которое доминирует в историческом процессе как его цель. В девятнадцатом веке Ницше, ополчаясь против исторического прогресса, пытался возродить идею античного круговорота, противопоставляя христианству новое дионисийство. В этом смысле Новалис - антипод Ницше. Новалис вовсе не пытается вернуть прошлое, идеи реставрации нисколько не прельщают его. Конструируя утопическое будущее, Новалис ищет в прошлом предвестий и подтверждений для него, поэтизируя старину в духе народных сказаний и чаяний. Своеобразие Новалиса-утописта заключается в том, что его утопия - утопия поэтическая; она устанавливает гармонию, в которой "Жизнь и Поэзия - одно", так что прошлое, настоящее и будущее творчески сочетаются как части единой поэмы.

Новалис предполагал, что из обширного фрагмента "Ученики в Саисе" вырастет "подлинно символический роман природы". Учитель в этом фрагменте готов уступить свое место ребенку, но посылает его сначала

странствовать. В стихотворении "К Тику" сам Новалис уподобляется странствующему ребенку. "В саду, в безлюдном запустении" ребенок находит "книгу, замкнутую златом". Книга сопоставляется с весной и с кристаллом неведомого мира. Для Новалиса книга всегда была событием, суверенным живым существом. "Книга - современная разновидность исторических фигур, при этом в высшей степени значительная. Быть может, они заняли место традиций", - писал Новалис. Фрагменты свидетельствуют о том, что их автор, ненасытный, неистовый читатель, не успевал фиксировать свои впечатления и мысли. Зачастую трудно определить, где кончается выписка и начинается собственная мысль. Сами авторы вряд ли подозревали, какой парадоксальной истиной обернется в глазах юного романтика непритязательная страница учебника или трезвого трактата. Даже аксиомы в прочтении Новалиса ошеломляют. Он потому собирался написать новую Библию, что в каждую книгу вчитывался как в Библию. "Если дух освящает, каждая подлинная книга - Библия. Но книга ради книги пишется слишком редко, а если дух подобен благородному металлу, книги в большинстве своем - эфраимиты. Конечно, каждая полезная книга нуждается в крепкой примеси. В чистом виде благородный металл не имеет хождения. Многие истинные книги удостоились той же судьбы, что золотые слитки в Ирландии. Долгие годы они служат гирями - и только". Во время Семилетней войны король Фридрих нуждался в деньгах. Известный финансист, банкир Эфраим, помог тогда пустить в обращение монеты с примесью меди, прозванные в народе "талерами Эфраима". Одним только словом "эфраимиты" с тонкой иронией заклеил Новалис "полезные книги", в которых промышленная цивилизация примешана к благородному металлу духа. Эта примесь - обманчивый "блеск чужого края", отвергнутый ребенком-странником. Однако Новалис никогда не отвергал цивилизацию и технику в принципе.

В "Диалогах" Новалиса один из собеседников откровенно любит пространственным каталогом, рекламирующим книжные новинки Лейпцигской ярмарки, радуется не только качеству, но и количеству изданных книг. Он

уподобляет книгопечатание открытию новых золотых приисков, открытию, которое вызовет и уже вызвало революцию, более великую, чем открытие Америки. Для этого собеседника немислим возврат "к неотесанной бедности наших отцов". "Книгоиздательство еще далеко не достигло у нас надлежащего размаха, - говорит он. - Если бы мне посчастливилось быть отцом, сколько ни родись у меня детей, мне все было бы мало; что мне десять-двенадцать детей - я хочу по крайней мере сотню... Книги - как уста. Я мечтаю видеть перед собой целое собрание книг, посвященных всем наукам, всем искусствам - истинное порождение моего духа".

В творчестве Новалиса благородные металлы всегда возвещают глубокую тайну. Простонародные горняцкие поверья и алхимические символы приобретают проникновенную задушевность. В стихотворении "К Тику" книга замкнута златом, потому что в книге сокровище человеческого духа. Такое сокровище Новалис воспеваает как тайну. Тайна для Новалиса - творческое начало. При этом Новалис нисколько не затронут "заразой мистического шарлатанства", о которой писал в своей автобиографии Александр Блок. Традиции античных и средневековых мистиков Новалис переосмысливает в духе своеобразной диалектики. (Эта проблема требует специального исследования.) Мир для Новалиса таинствен, потому что мир познаваем: мир - кристалл, чья прозрачность необозрима и неисчерпаема. Тайна для Новалиса - это принципиальная соизмеримость мира и человека, наличие в мире вездесущего смысла, который нельзя освоить количественно, так что остается выразить его качественно, заново сотворить мир. В новалисовском варианте тайна исключает всякий иррационализм, который неизбежно впадает в теорию абсурда, в принципе отрицая смысл бытия. С другой стороны, новалисовская тайна несовместима и с рационалистическим благодушием близорукого просветительства, принявшего в девятнадцатом веке заведомо анекдотические формы.

Эти мысли нашли дальнейшее развитие и в романе «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen»), над которым Новалис работал в

1799 г., но безвременная кончина не позволила завершить его. Роман по праву считается энциклопедией раннего этапа немецкого романтизма. Как и в повести «Ученики в Саисе», чередует Новалис поэзию и прозу, вплетает сказку в историю духовного становления юноши Генриха фон Офтердингена, служащую сюжетным стержнем всего повествования, состоящего как бы из отдельных новелл. В заглавие романа вынесено имя, видимо, реально жившего поэта-миннезингера XII—XIII вв. Но с историческим прототипом герой романа имеет мало общего. Более существенным является сближение с романом Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Роман Новалиса — это роман о художнике, и в выборе героя важен именно род его занятий, неясно осознаваемое тяготение к миру искусства. Существенным является и обращение к столь любимому Н. средневековью. Но исторические реалии не очень беспокоят романиста. Эпоха миннезингеров представлена как «золотой век», в котором царили согласие и красота, а миром правила Поэзия. Поэтому роман открывается посвящением Поэзии.

Отношения Новалиса с подлинным просветительством восемнадцатого века сложны и противоречивы. Фрагменты показывают, что молодой мыслитель намеревался вступить в полемику со своими предшественниками по вопросу об отношениях природы и культуры. В духовной жизни восемнадцатого века Новалис усматривает две тенденции: тенденцию к произвольному подавлению и тенденцию к столь же произвольному постулированию тех или иных начал. Гернгутеры подавляют свой разум, чувствительные подавляют свой рассудок, напротив, рассудительные подавляют свое сердце. В то же время желаемое принимается за действительное. "Это своего рода чародейство, - иронически замечает Новалис, - посредством которого мы заказываем себе мир по нашей прихоти для нашего удобства". Обе тенденции роднит их неорганичная произвольность. Новалис упрекает отвлеченных мыслителей в том, что они подавляют чувственный мир миром знаков или представлений, на своем примере доказывая тем самым общность обеих тенденций. Новалис видит в

этом инертность, пассивную приверженность "к произвольному, самодельному и установленному". Однако для Новалиса неприемлема и позиция Руссо, Гельвеция, Локка, игнорирующих, по его мнению, мир представлений и знаков, то есть культуру, предпочитающих грубую чувственность, что ведет к той же инертности, к порабощению человека природой: "Книга, замкнутая златом" - это подлинное единство природы и культуры: наука звезд, уроки знаков. Заказывать себе мир значит отказывать себе в творчестве. Для Новалиса знак - это творческое освоение осмысленной тайны. Для Новалиса огромное значение приобретает Кант, которого поэт усиленно изучает, чтобы преодолеть влияние непревзойденного аналитика. Если кантовская вещь в себе совершенно непостижима, ее нельзя считать тайной в новалисовском смысле, так как для Новалиса лишь постижимое таинственно. Между тем Кант объявляет существом в себе, вещь в себе, не только объект, но и субъект познания, так что человек становится непостижимым (теоретически) для самого себя. Новалис отвечает на это по-своему: "Мы никогда не достигнем совершенного самопознания, но мы можем достигнуть и достигнем гораздо большего". Вещь в себе Новалис принимает за тайну, парадоксальным образом ограниченную лишь безграничностью творческих перспектив. Истинное познание обнаруживается в творчестве: "Мы постигаем нечто лишь постольку, поскольку мы можем выразить, то есть создать это нечто". Так "с Великих Таинств снят запрет". Оставаясь тайной для теоретического умозрения, тайна превращается в творческий стимул для человеческой цельности. Хотя Новалис придавал таинствам преимущественно поэтический смысл, в своих фрагментах он ставит проблему гораздо шире; он отчасти предвидит значение, которое приобретут формулы в современной науке; в сущности, Новалис уже занимает язык науки как особая проблема. Поэтически осваивая парадоксальную сложность реального мира, Новалис предчувствовал скорее интеллектуальную атмосферу современной науки,

чем ее конкретные достижения; поэта волновала проблема ориентации в мире, который в то время еще только начинал открываться науке.

Таким образом, человечество находится между древним и новым «золотым веком». В далеком прошлом, в эпоху праотцов исчезнувшего первобытного народа все природное казалось человеческим знакомым и близким. Природа и человек жили единым счастливым домом. Природа была другом, утешительницей, чародейкой. Нынешнее человечество - выродившиеся и одичавшие остатки исчезнувшего первобытного народа. Мышление - только сон чувства, отмершее чувство, бледная серая жизнь. Господство человека (науки) над природой недолговечно - нарушен природный строй вещей, в котором человек не господин, а часть природы. Дальнейшее развитие требует установления нового «золотого века».

3. "Третье царство" в рамках идеи о "золотом веке"

Новалис рассматривал искусство и поэзию как общественные силы, исполненные глубочайшего гуманизма, и энергично стремился защищать их от все возраставшего разделения труда и грубого коммерческого подхода. Его критика развивающегося капитализма отчетливо показывает изменившуюся ситуацию в Германии после Французской революции: она отражает проблемы вступающего в свои права буржуазного общества. Главная мечта и видение Новалиса — новый гармонический мир, исполненный гуманности, являющийся неким синтезом старины и новой реальности с ее буржуазными свободами. Обе эпохи — старая и новая — не могут, как полагает поэт, уничтожить друг друга с помощью силы. Программа Новалиса протестует как против «экспорта» Французской революции, так и против вооруженного наступления контрреволюции, она грезит о царстве, в котором главенствовали бы поэзия и искусство — безусловно, под знаком религиозно-мистических устремлений.

Проблематичность подобной программы Новалиса и других романтических поэтов не следует преуменьшать. Эти взгляды причинили достаточно вреда и до настоящего времени дают основания реакционной буржуазии использовать их для апологетической защиты своего господства. Реакционно-утопические взгляды Новалиса на историю всего яснее выражены в его статье «Христианство, или Европа» (1799) — наиболее радикальном политическом манифесте романтизма. Наряду с критикой исторического развития начиная с XVI века здесь дается крайне идеализированное представление об эпохе средневековья. «Это были прекрасные, блестящие времена, когда Европа была единой христианской страной, когда христианское сообщество населяло эту преобразованную человеком часть света...»

Открытия в области естествознания и общественных наук Новалис считал причиной всех современных противоречий, ответственность за которые он возлагал на великое просветительское движение в Европе.

«Простой народ просвещали с подлинной страстью и воспитывали в нем пресловутый энтузиазм к образованию...» Следствием этого, по мнению Новалиса, стали разобщенность и социальная дисгармония. Напротив, орден иезуитов поэт прославляет как «образец идеального общественного устройства». Работа Новалиса вызвала опасение и критику даже со стороны его друзей. Гёте, которому была чужда антипросветительская позиция поэта, выступил против публикации этой статьи в «Атенеуме». Она была напечатана в сокращенном виде лишь в 1826 году.

Тенденция «отменить» Просвещение, чтобы прийти таким образом к новому гармоническому веку, пронизывает и всю поэзию Новалиса. В 1800 году в «Атенеуме» были опубликованы его «Гимны к ночи», написанные ритмической прозой — существует также вторая их редакция в форме свободного стиха. В то время как античность и немецкий классицизм были устремлены к дню, к свету, к продуктивности, Новалис видит в символе ночи истинно «достойное человека время», мистерию, в которой смерть и жизнь взаимно обуславливают и взаимно уничтожают друга друга.

Все здесь оборачивается «таинственным путем внутрь», в сокровенное, — так Новалис постоянно определяет смысл своего искусства, которое понимается им как «истинная сфера деятельности человеческого духа». Человек у Новалиса — в центре всего космического мироздания; в человеке пересекаются природа и дух, он — «дифференциал бесконечно великой и интеграл бесконечно малой природы», он есть «мера всех вещей». В подчеркнутых элегических тонах Новалис выражает свою тоску по гармонии, которую представляет в аспекте христианско-мистических идей о конце света: «Неужели утро неотвратимо? Неужели вечен гнет земного? В хлопотах злочастных исчезает небесный след ночи? Неужто никогда не загорится вечным пламенем тайный жертвенник любви? Свету положены пределы; в

бессрочном, беспредельном царит ночь». Любовное отчаяние оборачивается здесь жаждой смерти, любовь и смерть сливаются в этом поэтическом восприятии, ставшем образцом и мерилем для всей последующей антиреалистической буржуазной литературы. Против гётевского «Вильгельма Мейстера» — «этой опозтезированной бюргерской и семейной обыденности», как пишет Новалис,— направлена концепция романа «Генрих фон Офтердингек» (1802).

Новалис — самый значительный поэт раннего романтизма в Германии. Он последовательно поставил свой талант на службу своих идей. В его афоризмах—«Фрагментах»,—частично публиковавшихся еще при жизни поэта (сборники «Цветочная пыль», 1798, и «Вера в любовь», 1798), Новалис сформулировал свои мысли по вопросам философии и эстетики.

На него оказали влияние как теория Фихте о неограниченном самоопределении человека, так и мысль Гемстергейса, что новый, более прекрасный век может наступить только в результате моральных усилий людей. Истинной целью Новалиса было совершенствование человека. Неизбежно возникшая в связи с этим радикальная утопия носила черты «магического идеализма» (Новалис) и мистики: «сокровенная суть» (Innerlichkeit) человека и космоса, по Новалису, проникают друг друга — так поэт представляет себе сущность мироздания.

4. Анализ духовных песен с позиции "третьего царства"

Новалис является тем живым, что связывает нас с романтизмом. Это первый предтеча перед последним проникновением в тайну Мировой Души, которое и покажет связь между Красотой и Религией. (Может быть, Ибсен в "Когда мы, мертвые, воскреснем" именно ставит упрек в непонимании Души Мира).

В Новалисе намечаются возможности христианского поэта нового времени. Но в нем научились видеть не только носителя романтической идеи, понятой как положительная ценность, но и одного из крупнейших поэтов.

Рассмотрим "Духовные песни" Новалиса. Этот поэтический цикл был попыткой написать новый церковный песенник, и Новалис стремился писать как можно более доступно, безыскусно (одна из песен действительно попала в лютеранский песенник и продержалась там около века).

Идеалисту кажется только иллюзией отношение между микрокосмом и макрокосмом. Но Новалис знает, что для Бога нет разницы между макрокосмом и микрокосмом и что эта разница не существует также и для просветленного человека. Новалис реалист и знает реально, что Земля - тело Христово, которое Христос, по воскресении, Сам отдал и скрыл в недра земли, в пещере, которую закрыл камнем. Этого камня отодвинуть никто не может, и когда тело Христово освободится, тогда будет Жена, облаченная в Солнце, - будет Христос с Софией.

В настоящее время мы видим в прагматизме нечто отвечающее многим современным запросам. Согласно прагматистам мир пластичен. Он сминается под прикосновением человеческого духа, это происходит посредством внутренней работы человеческой монады; но для этого необходима вера. Общее у Новалиса с прагматистами - его чаяние преобразить мир через воздействие человеческого духа и их идея пластичности мира. Но Новалис говорит более точно, более глубоко и вместе с тем более недоступно. Для прагматистов, как и для Новалиса, важен

внутренний опыт. Это же понятие внутреннего опыта - общий исходный пункт Новалиса и современных искателей (через религиозное постижение личности человеческого я):

Пойдем к жилищам нашим вечным,
И в ликовании своем,
Протягивая руки встречаемым,
Заблудших к Богу поведем³.

Другое общее у Новалиса с ними: отношение к земле и плоти, к Небу и земле. Общий протест против аскетизма в старом понимании христианства.

Голубой Цветок - это Небо, проникающее землю. Тайна "небесной земли" - символ земли-невесты, освобожденной от "князя мира сего".

Хотя правоверный католик (оставшийся официально протестантом), Новалис не удовлетворяется обычным, внешним понятием о христианстве.

Третье, что соединяет его с современными искателями, - это его надежды на раскрытие в душах третьего царства (он приписывает их Я.Бёме).

Он выразитель любви, Эроса в смысле религиозном. Все элементы внутреннего опыта, необходимые для разрешения всего враждебного, у него есть и ему кажется, что нужно только бросить эту весть людям, и тогда наступит третье царство - Брак Дня и Ночи⁴.

В первой из песен, обращенных к деве Марии, строка: "*Ewig wird er dich brünstig lieben*" ("Вечно будет он тебя жарко любить"), а также проходящая через стихотворение понятийная линия: *Kindeslust - Kindeslieb - Kindestreu* ("детское наслаждение/желание - детская любовь - детская верность") – отсутствует в переводе Вячеслава Иванова.

Среди "Духовных песен" Новалиса есть весьма примечательная, с заглавием (единственная из всех) "Гимн". Даже среди духовной лирики Новалиса это стихотворение выделяется чувственной экспрессией:

Немногим ведома
Тайна любви,

³

⁴ Лирика Новалиса в переложении Вячеслава Иванова. - Томск: Изд-во "Водолей", 1997.

Голод и жажда
Неутолимые.
Божественный смысл
Причастия -
Загадка для чувств земных,
Но тот, кто однажды
Из жарких любимых уст
Пил дыхание жизни,
Тот, кому жар священный
Расплавил сердце в трепетных волнах...

Прежде всего потому, что у Новалиса за спиной средневековая схоластика и томизм, научившие европейцев не противопоставлять знание и веру. Это и миннезингеры и трубадуры, открывшие интимность чувства и огромный мир эротики, во всех ее разновидностях и разветвлениях. Это и Реформация: не стоит забывать, что немецкое Просвещение и немецкий романтизм - дело прежде всего выходцев из протестантской среды.

Не было в России свободной религиозной лирики, в какой-то мере сопоставимой с протестантской традицией религиозной поэзии, к которой и примыкал - при всей своей оригинальности и своенравности - Новалис. Были лишь неофициальные фольклорные духовные стихи - и не случайно Вячеслав Иванов "Духовные песни" Новалиса в своем переводе озаглавил "Духовные стихи". Новалис уже предельно далек от фольклора, даже если - как и все романтики - ощущает необычайную тягу к примитивному, изначальному. Но это потому, что они уже где-то далеко, там, куда прямая дорога оборвалась.

Новалис, разумеется, мистик, но мистика его тоже совсем иная. Мистика Новалиса - это мистика человека новоевропейского, которому совершенно не мешает наука, более того, он через науку выходит к мистической медитации.

Занятия естественными науками и математикой были важной частью творческой жизни поэта, совсем не противоречившей его духовным

увлечениям. Новалис мог очень критично относиться к Просвещению (в особенности в его немецком, прусском варианте), однако у него за плечами был основательный просветительский багаж. Поэтому, например, в его мистических устремлениях нет того пассивного фатализма, который отличает российскую мистику и окрашивает также и переводы Новалиса на русский язык.

Религиозность Новалиса, несмотря на все симпатии к средневековой церковности, на самом деле религиозность Нового времени - абсолютно свободная и в своих основах индивидуальная. В ней нет ни ритуализованной церковности, ни послушной набожности. Он прошел через школу пантеизма, и потому уже не мог быть примерным прихожанином, даже если по временам и пытался воображать себя таковым.

Особая статья - эротика, которой пронизана духовная лирика Новалиса. Вообще романтический период - это прорыв эротики в немецкой культуре. У нас как-то не принято это замечать, но дело в том, что создававшаяся в течение долгого времени картина Германии конца XVIII - начала XIX века - неадекватна, во многом именно потому, что из нее последовательно изымается эротика.

Мы не можем говорить о грядущих откровениях, но "Святой Дух больше чем Библия", сказал Новалис. И наши глаза вслед за ним обращаются к Святому Востоку... Ибо верой завершается романтическая мысль и словами молитвы Господней "Да приидет Царствие Твое»:

Когда пречистые черты
Лишь детям светят с высоты,
Дай мне забыть пережитое,
Верни мне детство золотое,
О небесах Твоих грустя,
Люблю Тебя и верен, как дитя.

Заключение

Новалис внес огромный вклад в развитие буржуазной идеологии на заре XIX столетия. Его поэтическое значение состоит в том, что он ясно и недвусмысленно высказал страстное стремление человеческой личности к освобождению. Отвергая свойственные капиталистическому развитию утилитаризм и враждебность искусству, Новалис обогатил немецкую поэзию новаторскими, исполненными фантазии элементами.

Мифологизм Новалиса остался незавершенной заявкой поэта-романтика на решение многих трудных философских и этических проблем. В истории европейской культуры наследие писателя чаще всего воспринималось односторонне: и теми, кто опирался на него, как Метерлинк, и теми, кто в споре его отвергал, как Гейне. Недооценивались прежде всего активность художественного сознания Новалиса, настойчивость его поисков, страстная приверженность идеалу совершенного, гармоничного человека, воплощаемого в образе художника, поэта, которому он передавал свои тревоги и надежды.

Философская лирика Новалиса была замкнута в узком круге идем, преимущественно религиозных. «Духовные песни» - крайнее выражение кризисных настроений в творчестве Новалиса. Эти произведения резко контрастировали с главным направлением его эстетических исканий — стремлением осмыслить мир в его универсальности.

Список использованной литературы

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973
2. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. — М., 1978;
3. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. — М., 1981.
4. Дмитриев А. С. Проблемы йенского романтизма. — М., 1975;
5. Зарубежная литература XIX в.: Практикум. – М., 2000.
6. История всемирной литературы. Т.6 / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гл. редкол: Г. П. Бердников (гл. ред.), А. С. Бушмин, Ю. Б. Виппер (зам. гл. ред.), Д. С. Лихачев, Г. И. Ломидзе, Д. Ф. Марков, А. Д. Михайлов, С. В. Никольский, Б. Б. Пиотровский, Г. М. Фридлиндер, М. Б. Храпченко, Е. П. Чельшев. — М.: Наука, 1983.
7. История зарубежной литературы XIX в. / Под ред. Н.А. Соловьевой. – М., 2000.
8. История зарубежной литературы XIX в. / Под ред. Я.Н. Засурского, С.В. Тураева. – М., 1982.
9. История русской переводной художественной литературы. Т.1-2. - Спб, 1995-1996.
10. Левин Ю.Д. Русские переводчики IXX века и развитие художественного перевода. - Л., 1985.
11. Лири Новалиса в переложении Вячеслава Иванова. - Томск: Изд-во "Водолей", 1997.
12. Новалис. Гимны к ночи. - М.: Энигма, 1996;
13. Новалис. Генрих фон Оффтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. - СПб.: Евразия, 1995.
14. Новалис. Гейнрих фон Оффтердинген; Фрагменты; Ученики в Саисе. СПб, 1995
15. Проскурин Б.М., Яшенькина Б.Ф. История зарубежной литературы XIX в. – М., 2001.

